

противъ, старается во всѣхъ мелочахъ выяснить себѣ будущее свое счастье воображаемой жизни съ *нею* среди благодѣтельствующихъ мужиковъ...

Черезъ годъ, однако, какъ вы помните, вѣроятно, Нехлюдовъ испытываетъ уже разочарованіе въ своей новой дѣятельности «нравственнаго добра». И почему?... «Гдѣ же мои мечты?» думалъ онъ: «вотъ уже больше года, что я ищу счастія на этой дорогѣ, и что-жъ я нашелъ? Правда, иногда я чувствую, что могу быть довольнымъ собою; но это какое-то сухое, разумное довольство. Да и нѣть, я просто недоволенъ собой! я недоволенъ потому, что я здѣсь не знаю счастья, а желаю, страстно желаю счастія. Я, не испытавъ наслажденій, уже отрѣзалъ отъ себя все, что даетъ ихъ. Зачѣмъ? за что? Кому отъ этого стало легче?». Ему, видите-ли, послѣ неудачъ въ своей дѣятельности «добра», а вѣрнѣе отъ того, что онъ взялся за нее отъ скучи и праздности, отъ недовольства собою — смѣя опять мелькнуть призракъ *эстетическаго* идеала жизни, которую онъ, оставаясь вѣрнымъ полученнымъ съ дѣтства понятіямъ, считаетъ за единственно «счастливою»; его просто потянуло опять къ вицѣниему идеалу, вицѣней осознательной красотѣ, захотѣлось наслажденій извѣї, жизни, полной блеска, успѣховъ, — будущности, «ведущей къ лучшему, какъ ему казалось, благу въ мірѣ — къ славѣ»... Ему просто скучно стало съ тою «этическою», моральною жизнью, за которую онъ взялся, идеаль ея, — «истинная красота добра» (выраженіе (*«Исповѣди»*), — еще не даются его полному выясненію.

«Правда, говорить онъ, писала тетка (вѣроятно какая нибудь княгиня Кознакова), что легче самому пайти счастье, чѣмъ дать его другимъ. Я *даромъ* (sic) трачу лучшие годы!»

Согласно съ этимъ рѣшеніемъ, герой нашъ начинаетъ опять свои «опыты»: съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участіи,